

османам крепости Кефе (2.VIII) — таким был путь генуэзской Романии в 1453—1475 гг. Хотя и в конце XV—XVI вв. генуэзцы, как показывает Пистарино, продолжали торговать в Причерноморье, следствием была общая переориентация генуэзской торговли на Запад и участие генуэзцев в Великих Географических открытиях (1.IX).

Детальнейшим образом Пистарино восстанавливает день за днем историю осады и капитуляции Каффы в 1475 г., анализируя, наряду с совокупностью многочисленных сообщений современников и хронистов, новую, издаваемую им (2. С. 512—518) редакцию письма очевидца этих событий, анонимного флорентийского купца, торговавшего в Каффе и депор-

тированного оттуда в Стамбул. На основании этого документа можно также датировать и взятие османами Таны (Азова) июнем 1475 г. Но и после 1475 г. память о генуэзцах — "джинах Заморья", подкрепленная внушительными остатками их фортификаций, долго жила в памяти народов Крыма и Кавказа, придунайских княжеств и Анатолии, Польши, Литвы и России (1.IX).

Книги Пистарино — плод многолетних исследований главы школы генуэзских медиевистов — относятся к тем редким изданиям, которые считаются классическими, образуя фундамент знаний по истории Генуэзской Романии и Причерноморья.

С.П. Карпов

Сметанин В.А. Византийское общество XIII—XV веков (по данным эпистографии), Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987. 288 с.

Состоявшаяся в июне 1991 г. в Уральском университете защита монографии В.А. Сметанина в качестве докторской диссертации дает нам повод вернуться к этой теперь уже не вполне "свежей" и, к сожалению, своевременно не рецензированной на страницах "Византийского временника" работе.

Имя автора достаточно хорошо известно в кругах специалистов по истории Византии: уже много лет (а теперь уже и десятилетий!) В.А. Сметанин верен избранной теме — комплексному исследованию последних веков существования Византийской империи. Начав свою научную деятельность с изучения социально-экономических проблем, В.А. Сметанин впоследствии сконцентрировал свое внимание на византийской эпистографии, опубликовал целый цикл посвященных ей исследований, в том числе изданную еще в 1970 г. и встреченную с большим интересом научной общественностью книгу "Эпистография"¹ и, наконец, монографию, являющуюся объектом нашего рассмотрения, которая, таким образом, подводит определенный итог многолетним исследованиям автора в этой области.

Все мы (историки-византисты), разумеется, отдали необходимую дань этому типу исторических источников, так или иначе в своих работах использовали письма византийцев, но все-таки сама мысль о сплошном обследовании всей этой громады бесчисленных, пространственных, трудных для понимания, рафинированных и, как казалось, достаточно бессодержательных греческих эпистолярных текстов не могла вызвать (у меня, например) ничего, кроме уныния. И мы тем более должны быть признательны Валентину Александровичу за то, что он решился проделать эту весьма трудоемкую работу.

Интересным и оригинальным представляется

сам замысел монографии: воссоздать основные черты византийского общества в самый драматический период его истории (в XIII—XV вв.) через призму эпистографии; показать, каким образом жгучие проблемы, которыми жило византийское общество того времени, отразилось в этом "самом субъективном" (как не без основания подчеркивает автор) виде источников. В этом смысле работа действительно "открывает новое направление" в византиноведении, по крайней мере, других работ такого рода мне неизвестно. Ведь анализом охвачены практически все стороны жизни византийского общества — экономика (ремесло во всех его разновидностях, промыслы, торговля, особенности развития города, протастия, деревни), социальные отношения и противоречия, политико-идеологическая сфера (эволюция представлений византийцев об ойкумене, родине, обществе, труде, народе), критическая внешнеполитическая ситуация (этапы и специфика турецкой экспансии и ее оценка византийцами), и т.д. Специальную главу автор посвящает эпистолярному общению как форме идеологической жизни, открывая перед нами по существу особый пласт византийской культуры — эпистографической культуры (в главе воссоздаются организация эпистолярных связей, теория и практика эпистолярного стиля, специфика эпистолярного общения).

Успеху всего предприятия способствовали разработанная самим автором методика эпистографии как специальной или вспомогательной науки (хотя я не считаю удачным вымученный, на мой взгляд термин "эпистолология"), учет всех плюсов и минусов писем как исторического источника, но особенно то, в чем, по моему, всегда, с самых первых своих статей, был силен автор — повышенное внимание к лексике, терминологии и еще больше фразеологии тех текстов, с которыми он имел дело. Думаю, что изучение фразеологии писем византийцев — это, пожалуй, кратчайший и самый верный

¹ Сметанин В.А. Эпистография. Свердловск, 1970. 181 с.

путь не только к пониманию их *manière de parler* (способу выражаться), но и к постижению их стандартов мышления, качества их менталитета вообще, в конечном счете — путь к разгадке кода византийской культуры в целом. Эту сильную сторону своего исследования автор демонстрирует на протяжении всей книги, но особенно она впечатляет в разделах о фразеологических обозначениях социальных групп византийского населения (с. 120–145), о терминах, эпитетах и словосочетаниях, применявшихся для обозначения императоров (с. 148–151), патриархов (с. 151–152) и т.д. Поражающие своим богатством и разнообразием перечни социальных фразеологизмов позволяют автору сделать ряд важных и общезначимых наблюдений о жизни византийского общества; вычленил ряд сословий (духовное, гражданское, военное), каждое из которых расчленяется на более мелкие разряды (в качестве примера приведены 40 парно противопоставленных фразеологических сочетаний); показать возрастание значения духовенства которое вкупе с сословием архонтов образовало “бинарное светско-духовное сословие № 1” (с. 144); раскрыть процесс присельничества; и т.д. Автору действительно удалось показать (в острой полемике со своими предшественниками), что “являясь кладязем разнообразной информации, поздневизантийское эпистолярное наследие выступает одним из основных источников познания социально-экономической и идейно-политической истории ромейского общества” (с. 59). Убеждает общий вывод о том, что “в зеркале эпистолографии” византийское феодальное общество XIII–XV вв. “представляло собой не нечто застывшее, неизменное, неуклонное идущее по пути упадка”, но скорее общество, которое, “эволюционируя противоречиво, непоследовательно, зигзагообразно, не только модифицировалось во всех сферах общественной жизни, но в некоторых из них, пусть даже и частично, развивалось поступательно. Достигнув в этих областях высшей ступени по сравнению со всей предшествующей византийской историей” (с. 224). Безусловно, украшает монографию и приложение — небольшая антология из 25 поздневизантийских писем в переводах самого диссертанта с “византийского” (так!) языка (с. 226–257).

К сожалению, немало монография В.А. Сметанина содержит в себе и неточного, и спорного, и даже, на мой взгляд, ошибочного. Прежде всего о самих “эпистолографах”: № 154 (с. 39) — племянник Мануила II Палеолога, правивший во время путешествия Мануила на Запад, и № 158 (с. 40) — византийский император Иоанн VII Палеолог — это одно и то же лицо (ср. также с. 62); никакой аргументации со стороны Т.В. Поповой, якобы “отождествившей” Георгия Амирτζи с Георгием Трапезундским (№ 79, с. 33), не требуется — это просто элементарный ляпсус; автор монографии (вслед за А.С. Павловым) пишет, что письма Димитрия Хоматиана ошибочно приписыва-

лись Питрой епископу Китрскому Иоанну (с. 37, № 127), но не так давно Даррузез принял серьезную попытку подтвердить авторство Иоанна Китрского, а его самого отождествить с упомянутым среди патриарших чиновников логофетом Иоанном Хоматианом, который, возможно, был родственником Димитрия Хоматиана², при указании Кириака из Анконы или “Чириако Анконитано” (с. 43 № 191) почему-то не упомянута его фамилия — Пицижколли; год смерти Плануда указывается то “ок. 1310” (с. 45), то “ок. 1305” (с. 80). Не использованы новейшие издания Пертужи писем Леонарда Хиосского, Молера — писем Виссариона, Христу — писем Паламы, Бенакиса — исключительно важного письма Плифона, Гийяна — эпископ Константина XI Палеолога (письма этих деятелей, однако, известны автору по старым изданиям). Неверно утверждение, что письмо Давида Дисипата к Николаю Кавасиле “еще не издано” (с. 36 № 115): Цамис издал его отдельной книгой в Фессалонике в том же 1973 г., что и его статья, известная автору³.

Излагая и оценивая возникшую в среде специалистов дискуссию о так называемой “деконкретизации” византийских эпистолярных текстов (с. 21–25), В.А. почему-то ничего не говорит о такой яркой черте писем как сознательная стилизация писем “под античность”. Вот что говорит по этому поводу величайший знаток византийской эпистолографии и издатель писем Дмитрия Кидониса Ленерти: «Писанные по рецептам риторики, враждебной собственным именам, конкретным деталям и техническим терминам, византийские письма дают нам образ их эпохи в деформирующем зеркале классической античности... Трибалы населяют Сербию, мизийцы — Болгарию, а персы, владея Малой Азией, угрожают свободе эллинов. Во всей этой обширной корреспонденции лишь несколько иностранных слов (таких как “кардинал”, “passagium”) и пара народных выражений (*μοσπούλαι, γούνα*) могли бы сбить с толку современника Перикла»⁴.

Каюсь, я не сверял приведенных в монографии в переводах автора цитат с подлинниками, но иногда, споткнувшись о какую-то шероховатость, я заглядывал в подлинный текст, если он находился у меня под рукой, и — о ужас! обнаруживал порою некоторые неточности. Так, приведенная на с. 22 цитата из издателя писем Мануила II Палеолога американца Денниса — “в синтаксисе (писем Мануила. — И.М.) иногда

² *Darrouzès J.* Recherches sur les officia de l'église byzantine. P., 1970. P. 174; *Idem.* Les reponses canoniques de Jean de Kitros // REB. 1973. T. 31. P. 319–334.

³ *Tsames D.G.* Δαβίδ Διονυσίου λόγος κατὰ Βαρλαάμ και Ἀκιδύνου πρὸς Νικόλαον καθ' ὅλην Θεσσαλονίκη, 1973. 115 σελ.

⁴ *Loenertz R.J.* Les recueils de lettres de Démétrius Cydonés. Città del Vaticano, 1947. P. VI.

настолько сложные искажения, что почти лишаясь чувств" в моем переводе (да будет мне позволено не приводить здесь английский текст) звучит несколько иначе: "иногда синтаксис так сложно закручен, что кажется почти лишенным смысла" (все же "devoid of sense" не означает здесь "лишаться чувств"). Смущает меня и топоним "Эндемуса" (с. 54, 62). Может быть, все же имеется в виду не город Эндемуса (в Никейской империи — помечает В.А.), о путешествии в который пишет епископ Аджии Феодор, а *ὄντοδος ἐνδῆμουσα*, на заседания которого он ездил?

Хотел бы коснуться и способа транслитерации греческих слов с помощью латинского: он мне кажется весьма странным. Главное ведь в этом (если уж нельзя набрать греческий) — чтобы греческий термин или слово можно было легко узнать, а у В.А. это не так-то просто сделать. Попробуйте узнать женский артикль *ἡ*, если он передан латинской буквой "e" (тогда уж нужно "he" или "i"); в латинском шрифте есть буква "k", которой и надо пользоваться для передачи "каппы", а не использовать "с"; ну и так дальше. Немало странностей и в транскрибировании некоторых имен на русский: Ласкарид вместо принятого Ласкаръ или Ласкарис, Амирудз вместо принятого Амирутци, Исэа вместо Исаяя, Феодор Газ вместо Газа, и т.д. Грешит нередко "изысканиями" и стиль монографии², неудачными, в частности, я считаю такие термины и выражения как "симплификация" (с. 4), "легислативные источники" (с. 11 — как будто хуже русское "законодательные"), "типтерифицировать" в смысле "абсолютизировать" (с. 25), "эпистография — многослойное свидетельство" (с. 26), "шокирующие фрагментарность" (с. 26), "гомогенные оценочные суждения" (с. 27), "цезура" в значении "лакуны" (с. 58 — на мой взгляд, совершенно невозможное использование слова!), "конформные сооружения" (с. 84), "бинарное сословие" (с. 144), и т.д.

И.П. Медведев

Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von Franz Tinnefeld. Stuttgart: Hiersemann, 1991. Teil II (91 Briefe, Register). 250 S. (Bibliothek der griechischen Literatur. Bd. 33)

В очередном томе "Библиотеки греческой литературы" немецким исследователем Ф. Тиннефельдом продолжена публикация перевода писем византийского писателя и политического деятеля XIV в. Димитрия Кидониса. Ранее в этой же серии (Т. 12, 1981; Т. 16, 1982) Ф. Тиннефельдом было издано в немецком переводе 138 писем этого автора.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с изданием, это то, что очередной том несколько "похудел": в нем всего лишь 250 с. по сравнению с 682 с. двух полутомов первой части. Уменьшение объема в основном связано с сокращением объема комментариев к письмам, преимущественно за счет эпистографических, риторических и стилистических наблюдений, весьма богатых в первой части этого издания. Ф. Тиннефельд обещает компенсировать отсутствие (или уменьшение) комментария такого рода статьей, которая представит стиль писем Кидониса в систематизированном виде после завершения перевода всех писем, что в виде частичных наблюдений было представлено им в докладе на XVI Международном конгрессе византистов¹.

В рецензируемый том включено 91 письмо (№ 139–229 по нумерации переводчика). Эти письма, в отличие от расположения их в первых двух полутомов, представлены в виде девяти групп, в целом соответствующих тем, которые отмечены в издании греческих текстов писем Димитрия Кидониса².

¹ Tinnefeld F. Kriterien und Varianten des Stils im Briefcorpus des Demetrios Kydones // XVI. Internat. Byzantinistenkongr. Wien, 1982. S. 257–266.

² Demetrius Kydonès. Correspondance / Ed. R.-J. Lo-

ertzt // Studi e Testi. 186, 208. Citta del Vaticano, 1956. Т. I; 1960. Т. II.

В основу второй части издаваемых Ф. Тиннефельдом писем положены, за исключением первых семи эпистул, письма автографической рукописи A (Vat. gr. 101) и в меньшей степени рукописи U (Vat. Urb. gr. 133). Ученый исходит в своем издании переводов писем как из соблюдения предложенных Р. Ленертцем "Series epistularum chronologica", так и из собственной датировки писем. Сохраняя выделенные Р. Ленертцем хронологические группы, Ф. Тиннефельд иногда предлагает отдельную передвижку писем между этих групп, что вполне оправдано в связи с накоплением исследовательского опыта в изучении эпистолярного наследия Димитрия Кидониса за те тридцать с лишним лет, что отделяют 33-й том "Библиотеки греческой литературы" от издания писем Кидониса Р. Ленертцем.

Из девяти выделенных групп писем лишь четыре являются датированными: это группы 2, 3, 7 и 8, содержащие в целом 56 писем. Датировка писем в основном приближительная, порой в пределах двух лет. В том включено еще одно датированное письмо Т 146/168, написанное Кидонисом перед поездкой на Лесбос в 1373–1374 гг. и таким образом хронологически оно могло быть отнесено к предыдущему тому писем.

В группу 2, соответствующей в издании Р. Ленертца девятому номеру хронологического списка (С II, 489, № IX), включены письма, относящиеся приблизительно к периоду от осени 1374 по август 1376 гг. В группе 3 (С II, 490, № X) — письма примерно от ноября 1376 по осени 1378 г. Внутри групп Ф. Тиннефельд стре-

ertzt // Studi e Testi. 186, 208. Citta del Vaticano, 1956. Т. I; 1960. Т. II.